

УДК 340.1

Баранов П.П.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ПРАВА

В статье анализируются различные подходы к пониманию сущности права, существующие в юридической науке. Отдельное внимание уделяется двум основным типам правопонимания: юридическому и легистскому. Автор останавливается также на характеристике позитивного, нормативного, философского и интегрального типов правопонимания. В статье высказывается ряд предложений, характеризующих особенности методологических подходов к раскрытию понятия и сущности права.

This article analyzes the various approaches to the understanding of rights, existing jurisprudence. Special attention is given to two main types of law: legal and legist. The author dwells also on the characteristics of positive, normative, philosophical and integral types of law. The article makes a number of proposals, that characterize the features of methodological approaches to the disclosure of the concept and spirit of the law.

Ключевые слова: Глобализация; единичное, особенное и всеобщее в идее права; закон; право; сущность, понятие и признаки права; типы правопонимания; равенство; справедливость.

Keywords: Globalization; the individual, in particular and the universal idea of law; the law; the right; the essence, the concept and features of the law; types of law, equality; justice.

Дискуссия о сущности права [1, с. 100 — 101] является весьма важной, интересной и актуальной, к которой, можно надеяться, активно подключатся не только ученые-юристы, но и представители философской, социологической и политологической науки. К тому же, мы полностью разделяем мнение Д.Ю. Шапсугова о необходимости более широкого использования на страницах журнала такого интеллектуального жанра, как «научная критика», который предназначен для оценки и истолкования различных научных идей и теорий, и который одновременно является одним из самых трудоемких, так как истинный критик, на наш взгляд, не должен оказаться в ситуации меньшей осведомленности и эрудированности того, кого он непосредственно критикует.

Что же касается предмета обсуждения, то не вызывает сомнения тот факт, что понятие права как основная категория правоведения традиционно используется в различных значениях. Это и социальные притязания людей (субъективные права, характеризующие негативный аспект свободы, право человека на неприкосновенность, право народа на самоопределение и др.), и официально признаваемая возможность физических и юридических лиц (субъективные права, характеризующие позитивный аспект свободы и относимые ко «второму поколению» прав — право на труд, отдых, охрану здоровья и др.), и система юридических норм (право в объективном смысле

– «национальное право», «российское право», «конституционное право», «международное право» и т.п.), и, наконец, право в самом широком смысле – право как система абсолютно всех правовых явлений. Кроме того, с помощью термина «право» обозначаются многие явления общесоциального характера – моральные, культурные, нравственные политические и другие возможности в общечеловеческой практике, такие, например, как моральное право.

Вопрос о сущности права в теоретической юриспруденции и в философии права традиционно рассматривается в качестве центрального и основного. В истории юридической науки взгляды на сущность права постоянно менялись вслед за изменением мировоззрения ученых, появлением новых методологических подходов. По Аристотелю право – это политическая справедливость, по Ф. Аквинскому – божественное установление, по Руссо – общая воля, по Р. Иерингу – защищенный интерес, по Л. Петражицкому – императивно-атрибутивные эмоции, по Д. Остину, Г. Шершеневичу и другим представителям позитивизма – веление государства.

Таким образом, важнейшей чертой сущности права является его многомерная природа, тогда как существование различных дефиниций права, так или иначе, имеет характер некоторой одномерности и понять всю сложную

сущность права можно лишь на основе учета всего множества его определений. В 1872 году была опубликована монография профессора Варшавского университета И. Кашницы, который уже тогда писал, о том, что «вопрос о сущности права так важен, хотя искони занимаются им мыслящие люди, однако полное решение одного и затем удовлетворительное определение понятия о праве далеко еще не достигнуто». По мнению ученого, сложность задачи исследователя заключалась в том, что понятия о праве, «которых в течение столетий накопилось почти бесчисленное количество», проистекают из разных источников, а именно — из трех главных: законодательства, народных представлений о праве и науки [2, с. 27].

Актуальность обсуждения вопроса о сущности права обусловлена еще и тем, что само по себе право, скорее всего, не является «вечной ценностью» и на определенном этапе своего развития человеческие индивиды вполне вероятно обходились и без него. При этом общеизвестно, что теорий происхождения права на сегодняшний день насчитывается немало. Однако нельзя не заметить, что с позиции современного ученого практически ни одна из оформившихся теорий не опровергает другую, т.е. они существуют как равноправные и дополняющие друг друга.

Вопрос о непознаваемости права как такового был поставлен уже очень давно. Действительно, право является основным регулятором общественных отношений и поскольку «природа человека» непостижима, то и природа и сущность права останутся в таком же положении. Это, однако, на наш взгляд, несколько не мешает активному теоретическому дискурсу по вопросам сущности права, а также правовых явлений и процессов.

Традиционно появление идеи права связывают с тем, что система первобытно-общинных регуляторов перестала справляться с возлагаемыми на нее функциями, после чего необходимость появления идеи права была предreshена. Следовало бы заметить, что данная постановка вопроса может показаться спорной и не только в контексте восприятия религиозной идеи происхождения права. Речь идет о вопросах, традиционных и для самой эволюционной идеи происхождения человека, поэтому вопрос о моменте непосредственного появления идеи права никогда не будет разрешен, как и вопрос о том, достигнет ли когда-нибудь правосознание человека такой

точки, когда необходимость в праве отпадет. Речь идет, естественно, о необходимости позитивного права, тогда как право, лишенное своего позитивного обрамления, без сомнения, будет существовать в рамках правового сознания людей.

В основе разных подходов к праву как особому социальному регулятору лежат различные типы правопонимания. Типы правопонимания представляют собой определенные направления в познании сущности и социального назначения права.

В истории и теории права существуют два основных подхода к трактовке понятия и сущности права: юридический и легистский. В соответствии с легистским подходом под правом понимается продукт государства — властный приказ (норма, правило, закон и т.д.) государственной власти, т.е. властная сила. При этом право понимается в виде объективной регулятивной и охранительной системы, которая действует совершенно независимо от ее субъективной оценки людьми в качестве «справедливой» или «несправедливой». Для юридического же типа правопонимания характерен тот или иной вариант различия между собственно правом и непосредственно законом. В этом случае право предстает как объективное и независимое от государственной власти социальное явление, обладающее своей собственной природой и сущностью.

В рамках этого антилегистского юридического типа правопонимания выделяются два различных подхода: естественно-правовой подход (признание естественного права) и либертарно-юридический подход (право и закон различны, но право есть нормативное выражение формального равенства).

В России с первой половины XIX века в рамках аксиологии права был провозглашен и развивался легистско-позитивистский или императивный тип правопонимания, который основывался на учении славянофилов. Согласно их антропологической концепции непосредственной ценностью являлся не сам индивид, а некая тотальность (ценное, общее). Именно с позиций тотальности строилось все правопонимание славянофилов. По их мнению, индивид от рождения не обладал свободой, а приобретал ее только тогда, когда он отказывался от своей автономии в пользу той или иной социальной общности — народа, общины, церкви. Славянофилы отвергали

положение о свободе личности как «субстанции» права, и видели эту «субстанцию» в государстве. Само же право, детерминированное государством, по мысли славянофилов, являлось по отношению к человеку чем-то противостоящим и отождествлялось с законами, которые создает государство. Закономерным итогом явилось понимание права не как меры свободы, а как меры принуждения.

Надо сказать, что после принятия Конституции РФ 1993 года, в России была провозглашена смена принципов ориентации социального устройства с государства на индивида. Однако в реальности этот процесс еще не завершен и в отечественной юридической науке и особенно юридической деятельности, легистско-позитивистский тип правопонимания имеет широкое распространение (см. работы В.К. Бабаева, М.И. Байтина, В.В. Лазарева, А.Ф. Черданцева и др.).

Как известно, близким к позитивному подходу является нормативное понимание права. Иногда эти два подхода рассматриваются как единый общий позитивно-нормативный подход. Согласно нормативному подходу право следует рассматривать в контексте специальных норм, которые заключены в законодательстве. В нашей стране этот подход был доминирующим с середины 30-х до середины 50-х годов (см. работы Н.Г. Александрова, С.А. Голунского, М.А. Строговича, О.С. Иоффе, П.Е. Нетбайло и др.). С конца 50-х годов по причине изменения политической ситуации в стране возрождается интерес к проблеме правопонимания.

Альтернативным подходом к пониманию сущности права и правовых явлений стал более широкий подход, который рассматривает право как совокупность не только норм права, но и правоотношений, субъективных прав и правосознания (см. работы С.Ф. Кечежяна, А.А. Пионтовского, А.К. Стальгевича и др.). Последующие десятилетия в нашей стране отмечены оживленной дискуссией по рассматриваемой проблеме, о чем, в частности, свидетельствует известная полемика по вопросам сущности советского права, организованная в 1979 году журналом «Советское государство и право». Кроме позитивно-нормативного и широкого подхода, в юридической науке в конце 1970 годов появляются также интегративный и философский (нравственный) подходы к пониманию права.

Суть интегративного подхода состоит в том, что право признается многоуровневым, многосторонним и сложным явлением, отдельные проявления которого составляют предмет исследования не только юриспруденции, но и философии, социологии, культурологии, кибернетики. Представители этого подхода стремились к достижению компромисса между различными типами правопонимания и выражению единого подхода к пониманию сущности права (см. работы С.С. Алексеева, А.М. Васильева, В.Н. Кудрявцева, В.П. Казимирчука, Е.А. Лукашевой, А.В. Мацкевича и др.).

Философский (нравственный) подход, оперируя понятиями меры свободы и справедливости, предполагает разделение права и закона (см. работы В.Д. Зорькина, Д.А. Керимова, Г.В. Мальцева, Л.С. Мамута, В.С. Нерсисянца, В.А. Туманова и др.). Философское понимание права в определенном смысле следует основным постулатам теории естественного права, однако серьезно от нее отличается. Философское понимание права предполагает некоторую идеализацию объекта исследования и старается ответить на вопрос, каким право должно было бы быть. Однако такое понимание предполагает анализ не только действующего права, но и естественного. Идею права как идею свободы развивал в своих трудах Гегель, при этом под системой права он понимал «царство осуществленной свободы».

Рассмотрение права как свободы получило в философском понимании центральное место. Философское понимание предлагает выявление принципа ограничения свободы, и в качестве такового предлагается принцип недопустимости посягательства на свободу других лиц. При этом, анализируя категорию «свобода» применительно к сущности права, нельзя забывать и о «равенстве». В этой связи основной смысл права заключен в способах согласования свободы одного человека со свободой окружающих.

Безусловно, продуктивным является анализ сущности права посредством «единичного», «особенного» и «всеобщего», который предлагает Д.Ю. Шапсугов. Так как категория «сущность» выступает для любого предмета предельно всеобщей и относящейся ко всем сторонам этого предмета, ей в эмпирической сфере противостоит вся его многообразная реальность. Следует согласиться с мнением о том, что, когда мы ведем речь о категории «сущность права», она должна пониматься именно как соотноси-

мая со всем правовым миром, со всей правовой реальностью [3, с. 72]. При этом сущность права выступает как единая сущностная основа всего «правового». Общность сущности права, которая не зависит ни от каких пространственных или временных характеристик, определяется следующими обстоятельствами:

- 1) существованием единых закономерностей происхождения права независимо от места и времени возникновения;
- 2) наличием совокупности различных признаков права;
- 3) присутствием определенного набора элементов, включающих право как явление.

Сущность права, таким образом, — это не только внутренняя основа, которая определяет качественные и количественные характеристики права, но и источник, порождающий право; организация внутренней структуры права и связи ее элементов, а также глубинная движущая сила функционирования права [3, с. 74]. Исходя из этого различные теории права, основанные на концепции «двойной» сущности права, изменяющейся сущности права или качественном различии права различных исторических типов необходимо признать несостоятельными.

Сущность права представляет собой своеобразный конструкт из всеобщих моментов, выраженных в форме особенного и единичного, так как без «всеобщего» мы никогда не познаем «единичного» и «особенного» в праве. «Всеобщее» же с «особенным» и «единичным» составляет все многообразие конкретных проявлений бытия права. При этом «всеобщее» в праве представляет собой такое исходное основание, которое обуславливает единство в многообразии всех различных проявлений права.

Сущностью права является его внутреннее содержание, выражающееся в полном единстве всех разнообразных и противоречивых форм его бытия, а право как явление выступает в виде внешнего его выражения и внешних форм его существования. В мышлении человека категории сущности и явления выражают переход от многообразных форм выражения права к его внутреннему содержанию и единству, т.е. к понятию. Всеобщность в праве отражается в мышлении индивида в форме системы правовых понятий (определе-

ний), которые и представляют единственный способ познания права.

Процесс познания исследователем сущности права представляет собой выяснение и анализ различных сторон и проявлений права. Именно процесс постижения различных сторон права приближает исследователя к познанию его сущности права как такового. В таком представлении сущность права всегда нечто абсолютное, следовательно — в полной мере недостижимое. Тот или иной тип правового понимания раскрывает отдельные стороны и проявления права, приближая тем самым исследователя к познанию сущности права. Но полученное при этом знание права, так или иначе, остается относительным, так как сущность права, познаваемая через право как явление, доступно для нас только в той степени, в какой позволяют наши возможности и эмпирическая необъятность, а также противоречивость и сложность такого объекта познания, как право. По истечении определенного времени исследователи видят, что наши знания о праве являются неточными и неполными и что возможны иные способы описания различных характеристик права. Процесс познания права, таким образом, можно определить как «движение» от относительного знания сущности права к конечной, но никогда не достижимой цели, — познания его абсолютной сущности.

Отметим, что проблема «всеобщего, особенного и единичного» — это универсальная философская проблема, выражающая саму сущность бытия и человеческой жизни. Как правило, наибольшую трудность при познании и исследовании вызывает категория «всеобщего», которая рассматривается в рамках самостоятельных подходов, таких как реализм, номинализм, концептуализм и репрезентативизм.

Д.Ю. Шапсугов определяет право как меру свободы, справедливости, равенства и ответственности социальных субъектов в их взаимных отношениях, содержание и форма которых исторически обусловлены объективно достигнутым уровнем социокультурного развития [1, с. 101]. Такая трактовка сущности права, с позиций цивилизационного подхода, когда право рассматривается как явление цивилизации и культуры представляется весьма интересной и продуктивной.

В таком виде право воплощает в себе меру свободы и равенства в контексте классического ограничительного императива о том, что «свобода одного индивида заканчивается там, где начинается противопоставляться свободе другого». И этот ограничитель представляет собой справедливость. При этом сама свобода является основанием справедливости и неотделима от нее. Свобода человека ограничена определёнными рамками, после нарушения, которых должна наступать ответственность. В целом же мера свободы занимает центральное место при определении сущности права, так как равенство, справедливость и ответственность являются всего лишь компонентами свободы. Нельзя не заметить, что соответствующая трактовка сущности права как меры свободы, справедливости, равенства и ответственности дает нам ключ к либеральному типу правопонимания в рамках аксиологии права, в котором право рассматривается как свобода, а высшей ценностью является человек.

С другой стороны, предложенное Д.Ю. Шапсуговым понимание сущности права претендует на всеобщее и универсальное. Однако, как мы видим, данное понимание сущности права никак не может быть ключом к легистско-позитивистскому и нормативистскому правопониманию. Оно, на наш взгляд, практически полностью укладывается в рамки философского (нравственного) подхода.

С.А. Зинченко, анализируя статью Д.Ю. Шапсугова, отмечает, что «в суждениях автора... гипертрофирована значимость цивилизационного подхода при осуществлении права на уровне всеобщего, особенного и единичного... Было бы более логичным исследовать развитие права, определять его сущность (в качестве всеобщего), исторические формы движения во взаимосвязи формационного и цивилизационного (выделено нами – П.Б.) подходов» [4, с. 14]. В целом, соглашаясь с этим мнением автора, хотелось бы отметить, что анализируемое понимание сущности права как меры свободы, равенства, справедливости и ответственности трудно как-то использовать при формационном подходе к праву.

Рассматриваемое понимание права показывает нам право в его собственной природе, в его собственном понятии. При данном подходе мы видим момент всеобщего права, которое не может выражать волю и интересы отдельного класса, быть «классовым правом»

или «правом не в подлинном его смысле», потому что в противном случае оно создает особую частную форму своего бытия и не соответствует природе права.

Данный подход никак не может дать отрицательную оценку права, так как свобода, справедливость и равенство составляют его непосредственное существо, а формационный подход к праву позволяет говорить о праве как о «справедливом» или «несправедливом», «хорошем» или «плохом».

В то же время формационный подход при всех его видимых недостатках и изъянах позволяет выявить историческую преемственность типов права и познать в праве такие характеристики, как устойчивость, универсальность, общее и повторяющееся. Этот подход основан на идеях эволюционизма и естественно-исторического процесса развития права.

Надо сказать, что наряду с системообразующими существует также целый ряд вполне осязаемых затруднений, с которыми сталкивается исследователь в попытке выработать адекватное понимание сущности права с позиций философского (нравственного) подхода. У представителей данного подхода отсутствуют четкие представления о так называемом «донормативном праве». Если право возникает под воздействием соответствующих идей, которые появились раньше него, то по какой причине их нельзя рассматривать как самостоятельные факторы, влияющие на его появление. При философском (нравственном) подходе исключается один из ведущих признаков права, состоящий в связи права и государства, а само право фактически сливается с моралью и нравственными требованиями.

В рамках философского (нравственного) подхода В.С. Нерсисянцем была разработана либертарно-юридическая теория правопонимания (в противовес позитивной и естественно-правовой). Под правом в его соотношении с законом «либертарно-юридическая теория имеет в виду не естественное право, а бытие и нормативное выражение (конкретизация) принципа формального равенства как сущности и отличительного принципа права». В рамках данного подхода принцип формального равенства анализируется в контексте единства трех основных компонентов правовой формы: абстрактно-формальной все-

общности нормы и меры равенства, свободы и справедливости. «Названные элементы не только дополняют, но и предполагают, подразумевают друг друга, ибо являются лишь различными проявлениями (разными аспектами и формами проявления) единого правового начала — принципа формального равенства», при этом «право как форму отношений не следует смешивать с фактическим содержанием этих отношений» [5]. Поскольку в этом случае право является всеобщей и необходимой формой свободы, автор называет свой подход либертарной (или либертарно-юридической) теорией права. В соответствии с этой теорией право необходимо рассматривать как совокупность специальных гуманных идей и принципов, представляющих меру и идею свободы. Сам факт признания или не признания последней государством посредством законодательного закрепления не является определяющим для понимания права.

Проблема различения права и закона в теории права так и не получила своего окончательного разрешения. В этой связи основной проблемой является определение четких и общепризнанных критериев соответствия законов праву. К тому же различение права и закона может отрицательно сказаться на принятии правоприменительных решений, так как в принципе позволяет, например, судьям в своей работе руководствоваться не законами, а личными представлениями о праве.

Правовая глобализация — одна из составляющих общемировых глобализационных процессов — все настойчивей ставит вопрос о том, как долго национальные правовые системы будут сохранять отдельные черты своей правовой уникальности, что оказывает свое непосредственное влияние и на вопрос о сущности права. Серьезному переосмыслению также подвергаются основные положения исторической и социологической школ права в части касающейся незыблемости постулата об уникальности и неповторимости национальных правовых систем и их обусловленности генетической памятью и традициями того или иного общества.

Как показывает практика, современные общества оказались очень мобильными и податливыми в части принятия общепринятых и признанных норм «мирового» права. Унификация и модернизация законодательств «развитых» стран идут рука об руку и затрагивают

даже наиболее обособленные и «закрытые» национальные правовые системы. Seriouslyму влиянию подверглись и правовые семьи стран Дальнего Востока, постепенно модифицируясь под воздействием европейских правовых систем и правовой системы США. Наиболее активную «войну» с вхождением национальных законодательств в «общую» правовую семью ведут государства мусульманского типа, но даже на их примере можно наблюдать, например, смягчение норм и определенную европеизацию системы наказаний в рамках шариатского права [6, с. 7 — 8].

На этом фоне, когда национальные законодательства начинают отличаться исключительно частностями, но не концептуально (как отдельные штаты в составе США), даже вопрос о рассмотрении судебного прецедента как одного из признаков отличия англосаксонской от романогерманской правовой семьи приобретает характер вопроса не базового и определяющего, а, скорее, вопроса о разделении компетенции между органами государственной власти. Что же касается имеющих место отличий в законодательстве различных стран, то оно, как и прежде, определяется в рамках исторической школы права, однако все чаще и чаще приходится говорить, что различия эти не носят принципиального и системообразующего характера. Рассуждая в таком ключе, можно говорить о том, что отличия эти рано или поздно окончательно «сотрутся» и вопрос победы правовой глобализации — это вопрос времени, во всяком случае, в большинстве стран мирового сообщества.

Естественно, что в рамках государственного устройства и политического режима такие традиции действуют особенно сильно, что лишний раз показывает нам современная ситуация в России. Вместе с тем именно на примере России можно проследить как происходил, казалось бы, кардинальный переход от одной системы правовых координат к другой. В конечном итоге население страны приняло или же вынуждено было принять совершенно новую систему правовых координат, и в настоящее время основное неприятие у населения вызывает в большей степени проблема коррупции и как следствие «особенностей политического режима», а не сама принципиально новая система правовых ценностей.

На наш взгляд, определяя сущность права необходимо придерживаться ряда правил и допущений.

I. Нельзя напрямую увязывать право и государство, т.к. вопросы о происхождении государства и права, а также «сроках» их функционирования остаются спорными и дискуссионными. В этой связи стоит очень осторожно относиться и к категории «правобязанности», т.к. этот институт на сегодняшний день объективно политически обусловлен, а сама категория является недостаточно корректной с точки зрения современного понимания основ юридической техники. К тому же следует отметить, что вопрос о том, является правобязанным исключительно представитель власти, тогда как роль остальных людей сводится к повиновению, или же этим обладает и обычный человек, является давно дискутируемым и обсуждаемым и оказывает свое влияние не только на конечный результат решения вопроса о государственном устройстве, но и вопроса о сущности самой категории «право».

II. Не стоит использовать весь либеральный аппарат, «добытый» человечеством в борьбе за свои субъективные права. Сама «естественность» либерально-правового института несколько переоценена. Возведение идеи естественного и неотъемлемого субъективного права человека в абсолют также по своей сути не имеет никакого практического исследовательского смысла. Кроме того, можно легко смоделировать массу ситуаций, когда человеческое сообщество, даже без участия государства, по совершенно объективным и социально-значимым причинам может пренебречь любым «естественным» правом абсолютно любого человека, в том числе правом на жизнь.

III. Не следует переоценивать такие признаки права, как «самобытность» и «уникальность», как следствие развития идеи генетического правового кода людей. Человечество взяло уверенный курс на абсолютную унификацию как правовых, так и юридических ценностей. И если в настоящее время мы еще можем с уверенностью говорить об исторической обусловленности национальных правовых систем, то с течением определенного времени это будет делать все сложнее и сложнее.

IV. Не существует объективной необходимости в противопоставлении различных теорий происхождения права, а скорее наоборот, требуется их внимательный учет и поиск способов сочетания и взаимопроникновения. Соответственно при выявлении сущности права надо не «обострять разницы теорий», а «сбли-

жать теории, различия только то, что действительно различно» [7, с. 83 — 84]. При этом следует иметь в виду, что каждая теория права обладает своим собственным набором специфических методологических приемов, использование которых для выяснения смысла другой теории права просто не подходит, так как в основании различных правовых теорий могут быть и различные способы и методы научного познания. Однако, признавая данный тезис достаточно обоснованным, абсолютизировать его также не стоит.

V. При определении сущности права необходимо отталкиваться от «знаменитого» кантовского категорического императива, не забывая об абсолютном своеобразии и неповторимости каждой человеческой личности. Известный философ, юрист и политический и общественный деятель П.И. Новгородцев в этой связи писал, что «независимость нравственного критерия от опытного познания и эта возможность внутреннего нравственного чувства объясняют нам, наконец, каким образом вообще мы приходим к моральным требованиям и идее должного. Сколько бы не искали мы этой идеи в сфере опыта, мы ее там не найдем, она имеет иное происхождение, и именно во внутреннем мире субъекта» [8, с. 82].

VI. Весьма продуктивными будут попытки исследователей дать определение сущности права посредством категории правосознания. При изучении сущности права как социокультурного явления исследователь видит, что в правовых идеях, содержащихся в правосознании, не только выражены рациональные свойства, но и представлена сила человеческого разума как мировоззренческого явления. Иначе говоря, в праве содержится внутренняя настроенность на реализацию высочайших общечеловеческих идеалов и ценностей.

В заключение хотелось бы сделать три основных вывода, имеющих принципиальное значение для анализа и решения рассматриваемой проблемы:

1. Попытки выработать единый, общий и универсальный методологический подход к сущности права в его широком смысле имеют смысл лишь в том случае, если за отправную точку взять тезис о том, что существует только одна единая сущность права.

2. Создаваемое универсальное и общее понимание сущности права должно быть приме-

нимым одновременно для юридической и легистской характеристики этой сущности.

3. Выработанное широкое и обобщенное понимание сущности права должно четко обозначать и устанавливать универсальный критерий, на основании которого возможно различие между «правовым» и «неправовым».

В противном случае исследователи должны будут зайти в тупик, признав наличие двух сущностей права (а значит, и двух явлений) – сущности юридического права и сущности легистского права.

Литература

1. Шапсугов Д.Ю. Размышления о праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 2.
2. Кашиница И. О сущности права. Варшава, 1872.
3. Петров А.В. О методологических подходах к определению категории сущности права // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. НН., 2003. № 1.
4. Зинченко С.А. О понятии сущности права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4.
5. Сущность и ценность права // Архив программы «Гордон». № 209. 04.02.2003. № 209.
6. Махарамов Я.А. Наказание по мусульманскому уголовному праву: понятие, цели, виды: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
7. Яценко А. Опыт синтетической теории права. Юрьевъ, 1912.
8. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М., 1901.